

Пока Гу Чжао беседовал с Учёным Чжу, Ли Чжоучжоу, как и в прошлые годы, проводил время на кухне вместе с Юньнян и матерью хозяина дома. В окружении женщин он чувствовал себя куда привычнее и свободнее.

Сыну хозяина дома после Нового года исполнилось три года, но мальчик почти не изменился с их прошлой встречи. Достав из кошелька сладость, Ли Чжоучжоу протянул её ребёнку. Малыш не спешил брать угощение — сначала он вопросительно взглянул на мать и, лишь получив одобряющий кивок, робко принял леденец.

— Спасибо, дядя Ли, — пропищал он тоненьким голоском.

— Не за что, — гэ'эр ласково погладил мальчика по волосам.

Дома малыша звали Чжи-ну, а официального имени ему ещё не выбрали. В деревнях детям часто давали невзрачные прозвища, чтобы их было легче вырастить. Услышав это имя, Чжоучжоу сначала не понял его значения; оно показалось ему необычным и даже мелодичным, совсем не похожим на те, что носили другие деревенские дети. Лишь позже муж объяснил ему, что «чжи» означает всего лишь поросенка.

— Чжи-ну, иди поиграй в сторонке, только не бегай, а то упадешь, — наказала сыну Юньнян.

— Хорошо, матушка!

Мальчик, сжимая в кулачке леденец, послушно убежал во двор.

Дверь в кухню оставалась открытой, и вскоре к ним присоединилась старая госпожа Чжу. Чжоучжоу, пристроившись у очага, подкладывал дрова в огонь, грея озябшие руки.

— Старшая невестка, матушка, — обратился он к женщинам, — мой муж весной собирается сдавать экзамены на сюая. Я впервые сопровождаю его в окружной город и совсем не знаю, что нам, домочадцам, нужно подготовить.

— В прошлый раз с моим сыном ездила Юньнян, — отозвалась старушка. — Кабы не её заботливость, я бы и места себе не находила. Потом слышали мы, что были в экзаменационном дворе и такие, кто животами мучился — съели что-то не то, вот и результат.

Чжоучжоу невольно испугался. Надо же, даже такая беда может приключиться!

— Даже если будет холодно, не надевайте куртки на подкладке, но и слишком много слоёв тонкой одежды — тоже не выход, — принялась наставлять Юньнян. — Еду в самом

экзаменационном дворе продают, но домашнее-то оно всегда чище. Обязательно арендуйте угольную печку и медный чайник. Там снаружи всё это выдают — тридцать вэней за два дня, да ещё пятьдесят вэней залога. Тебе дадут бамбуковую бирку — храни её хорошенько, после экзамена по ней деньги вернут. И чайник, как принесете, первым делом кипятком ошпарьте и хорошенько промойте, прежде чем пользоваться...

Ли Чжоучжоу слушал очень внимательно, стараясь запечатлеть в памяти каждое слово.

В полдень они пообедали в гостях, а вскоре после трапезы стали прощаться. Семья Учёного Чжу проводила их до самых ворот. Гу Чжао вежливо сложил руки, прося хозяев не утруждать себя дальнейшими проводами, а Чжоучжоу сдержанно кивнул женщинам.

На обратном пути он всю дорогу что-то шептал себе под нос. Гу Чжао, слыша упоминания про какие-то бирки и печки, перехватил руку мужа и принялся лениво поглаживать мозоли на его ладони.

— О чем это ты бормочешь?

— Да вот, спрашивал невестку, что нужно приготовить. Боюсь забыть, вот и повторяю про себя.

— А ты расскажи мне, — предложил муж. — Я тоже запомню, будем друг друга проверять.

Чжоучжоу хотел было возразить — мол, это его забота, а мужу негоже забивать голову бытовыми мелочами, — но, встретив жалобный взгляд супруга, не удержался:

— Опять ты за своё, муж. Снова начал канючить.

— Ну так что, расскажешь? — Гу Чжао в своей привычной манере вкрадчиво потянул слова.

Гэ'эру только и оставалось, что сдать.

— Ладно, ладно. Нужно приехать в город на два дня раньше, чтобы снять комнату в гостинице. Лучше не скупиться и найти место, где позволят самим готовить и кипятить воду, чтобы не съесть чего дурного...

Так, в разговорах, и пролетел путь. Несмотря на холод и ветер, который резал лицо не хуже ножа, дорога не показалась им долгой.

Восьмого числа отгуляли свадьбу Да-ню.

Семья Чжан Чжуцзы к торжеству пристроила к основному дому две просторные глинобитные комнаты. На синий кирпич госпожа Тянь денег пожалела — к чему такие траты? Глиняные стены тоже неплохи, а если черепицу в несколько слоев положить, так и вовсе будет надежно.

После пира, когда односельчане подходили к нему с чарками, Гу Чжао объявил, что весной намерен отправиться в окружной город на экзамены. Он предупредил, что отныне их дом закрыт для гостей: ему нужно сосредоточиться на книгах, и если кто из соседей заглянет, а его не встретят с должным радушием — просил не держать обиды.

Деревенские жители, разумеется, засыпали его добрыми пожеланиями, наперебой советуя ученому Гу спокойно заниматься наукой.

После этого юноша погрузился в учебу. На самом деле база у прежнего владельца тела была вполне крепкой, да и природной смекалкой он обделен не был — не зря ведь в десять лет сдал экзамен на туншэн. Однако именно ранний успех и вскружил ему голову.

В свое время инспектор на экзаменах сделал ему выговор, отметив, что его знания — лишь бездушная зубрежка. Трактаты были слишком сухими и застывшими.

Весь следующий месяц Гу Чжао упорно работал над этими изъянами. Время пролетело незаметно, и вот уже наступил конец февраля. Односельчане без нужды в дом Ли не заходили. Даже те, кто хотел расспросить о весенних делах, старались говорить с Ли Да тихим шепотом у самых ворот, чтобы не тревожить книжника.

Син-гэ'эр виделся с Ли Чжоучжоу только во время стирки. Узнав, что друзья скоро уезжают, он попытался расспросить своего мужа, Гуанцзуна, о дороге в окружной город — тот когда-то бывал там.

— ...В его пустой голове только и осталось, что воспоминания о шумных лавках да безделушках, — ворчал Син-гэ'эр. — Больше он ничего не знает!

Чжоучжоу только рассмеялся:

— Да не ругай ты его. Не помнит — и ладно. Мы с мужем приедем на пару дней раньше, расспросим слуг в гостинице, сами походим, осмотримся. Всё получится.

— В окружном городе народу тьма, и развлечений всяких много, — с энтузиазмом подхватил Син-гэ'эр.

Он хотел было попросить друга присмотреть там какую-нибудь красивую ткань, но тут же осекся.

«Друг ведь не развлекаться едет»

Просьба так и осталась невысказанной.

Экзамены были назначены на пятнадцатое марта. Решили выехать десятого: путь на муле занимал день, но на случай задержек в пути накинули еще день в запас.

Перед отъездом Ли Чжоучжоу несколько дней помогал отцу готовить удобрения. Ли Да твердил, что справится сам, но сын всё равно улучал свободную минутку и принимался за работу, пока отец не перестал сопротивляться.

Восьмого марта к ним пожаловали родственники из Дунпина: старший дядя Гу и Четвертый Гу вместе с остальными братьями. Каждая семья принесла по тридцать вэней.

— Деньги небольшие, просто знак внимания, — говорили они. — Хоть Чжао-эр теперь и вошел в вашу семью, узы родства так просто не рвутся.

Ли Да принял подношение. Хоть Гу Чжао и стал мужем-зятем, не было причины обрывать все связи с его родным домом.

На самом деле это бабушка Гу надоумила сыновей скинуться. Она понимала, что Ли Да не примет крупную сумму, а тридцать вэней — в самый раз, чтобы показать: дядья заботятся о племяннике. Конечно, не обошлось без ворчания. Вторая невестка за глаза шепталась:

— Гу Чжао теперь — отрезанный ломоть, с какой стати мы должны тратиться на его учебу?

Она пыталась подговорить жену третьего брата тоже не давать денег, но та лишь спросила в ответ:

— Уездный судья самого Чжао-эр хвалил! А ну как он в этот раз сдаст? У тебя ведь тоже дети растут, о будущем не думаешь? Хоть он теперь и человек семьи Ли, тридцать вэней — цена небольшая.

Смысл был в том, чтобы не быть такой мелочной, как Ли Гуйхуа. Второй невестке пришлось согласиться, но в душе она кипела от злости. Вернувшись домой, она только и делала, что донимала мужа вопросами:

— Как думаешь, сдаст он в этот раз?

— Кто его знает... — только и отвечал тот.

В итоге каждая из четырех семей принесла по тридцать вэней. Когда мужчины вернулись, вторая невестка принялась выспрашивать: «Взяли? Не отказывались? Как там Гу Чжао?»

— Деньги взяли сразу, — ответил муж. — А Гу Чжао... он на кухне посуду мыл.

Второй дядя Гу счел это неподобающим: взрослому мужчине не пристало возиться на кухне с посудой. Это ведь дело женщин да гэ'эров.

Услышав это, жена совсем поникла.

«Экзамены на носу, а он посуду моет! — возмутилась она про себя. — Небось, сам чует, что не сдаст, вот и выслуживается перед тестем, чтобы тот его потом не попрекал»

Она вспомнила своих детей: те тоже начинали усердно помогать по дому, когда напроказничают.

— Тьфу, пропали наши денежки, — вздохнула она. — В следующий раз, что бы матушка ни говорила, ни вэня не дам! Нельзя же вечно его спонсировать, он теперь человек семьи Ли.

— Твоя правда, — согласился муж. — Будем считать, что откупилась от матушкиного гнева.

На том и порешили. Вторая невестка только диву давалась: как она могла повестись на слова соседки? Умение возиться с навозом в поле — это совсем не то же самое, что сдавать государственные экзамены. Будь у Гу Чжао к тому талант, над ним бы в деревне не смеялись.

Братья Гу тоже гадали: есть ли у племянника хоть какой-то шанс? Верилось с трудом. Слышали они, что он за книги почти не садится, всё в поле пропадает. Раньше-то, когда целыми днями читал, и то не сдал, а теперь...

Позже, когда невестки встретились у реки, выяснилось, что всё это была затея бабушки Гу — она специально надавила на них, чтобы выудить деньги для внука.

— Матушка всё никак не успокоится, — ворчали женщины. — Чжао-эр уже в чужой семье, а она всё о нем печется. Ну да ладно, тридцать вэней — и дело с концом. В другой раз не дадим.

— Конечно, не дадим, — отрезала вторая невестка. — Если он снова соберется сдавать, от нашей семьи ни монетки не получит.

В деревне Сипин тоже хватало пересудов. Разговоры обычно начинались так: «Хоть ученый Гу и парень башковитый, раз удобрения придумал...» — а дальше следовало многозначительное молчание.

Никто в деревне толком не знал, как выглядят настоящие ученые. В последние два года все видели только одно: как Гу Чжао пашет в поле, таскает воду, помогает Чжоучжоу со свиньями да курами, чистит снег и мастерит печки. А каков он в науках — оставалось загадкой.

— В крайнем случае, — философски замечали мужики, — на пашне он всегда себе на кусок хлеба заработает.

И то верно. Урожайи теперь богатые, так что труд в поле того стоил.

Накануне отъезда односельчане тоже хотели что-нибудь подарить: овощи, яйца, пару монет. Но Гу Чжао вежливо отказал всем от имени тестя.

Он помнил, как перед Новым годом люди уже несли подарки. Хоть соседи и были благодарны, юноша понимал: если превращать каждое событие в повод для подношений, это вызовет недовольство. Люди будут давать, потому что «другие дают», но в душе затаят обиду. И выплеснется эта злость именно на их семью.

— Я глубоко тронут вашей добротой, — улыбаясь, кланялся Гу Чжао, — но путь к знаниям долг. Негоже мне всякий раз обременять вас.

Люди, видя такую деликатность, только махали руками. Но подарки забрали назад. Тётушка Ван, которая сама была в числе дарителей, позже обсуждала это с соседками: «Повезло семье Ли с зятем. Мало того что умница, так ещё и говорит как складно! Отказался от яиц да денег, чтобы нас не стеснять. Небо его обязательно вознаградит».

Сама-то Тётушка Ван втайне была недовольна необходимостью снова что-то нести. Прошлый раз они и так отдали восемь яиц. С какой стати она должна отдавать свои припасы всякий раз? Хорошо, что он отказался.

Десятого числа, ещё до рассвета, Ли Чжоучжоу встал, чтобы приготовить завтрак. Семья быстро поела. Ли Да торопил молодых:

— Нечего рассиживаться, пора в путь! Ничего не забыли?

Чжоучжоу не стал убирать посуду. Он быстро перенес узлы в повозку. Ли Да запряг мула, вывел его со двора и крепко запер ворота.

Повозка была простой — обычный открытый настил на колесах. Раньше на ней возили зерно, но накануне Чжоучжоу дочиста отскреб доски. Когда они просохли, он постелил сверху зимние пологи — вышло вполне сносно. На случай, если придется ночевать в пути, гэ'эр прихватил еще и одеяло.

Гу Чжао, наблюдая за его суетой, чувствовал, как в груди теплится приятное чувство — он знал, что за каждой мелочью стоит искренняя забота Чжоучжоу.

— Садитесь оба, а я пока в поводу поведу, — скомандовал Ли Да.

— Отец, давайте я тоже пройду, — предложил Чжоучжоу.

— Садись, — Ли Да похлопал мула. Животное было сытым и крепким. — Мне самому полезно размяться и согреться.

Только тогда сын забрался в повозку. Гу Чжао не стал спорить: он знал, что ни отец, ни муж не позволят ему идти пешком, так что он просто устроился поудобнее и принялся в уме повторять прочитанное.

Шли без остановок до самого полудня. На привале Ли Да напоил мула из щербатой чаши и задал ему корму. Немного отдохнув, снова тронулись в путь. Сытый мул бодро зашагал по дороге.

До сумерек они успели добраться до цели. Над городскими воротами красовались четыре иероглифа: округ Нинпин. В итоге, расспросив горожан, они нашли постоянный двор и сняли комнаты на одну ночь.

— Переночуем здесь, а завтра я пойду разузнаю, где есть место потише да поближе к экзаменационному двору, — решил Ли Чжоучжоу.

Гу Чжао, разминая затекшие ноги, ответил:

— Всё, как ты скажешь, Чжоучжоу.

Обычная комната стоила двадцать пять вэней. Ли Да снял две. Служка принес горячую воду, и, умывшись, они заказали по миске постной лапши. Только когда голод утих, появилась возможность поговорить.

— Завтра мы найдем подходящее жилье, — сказал Ли Да. — Как только устроитесь, я поеду домой, а после экзаменов вернусь за вами.

Остаться в городе на всё это время было слишком накладно. Та самая лапша, что в их городке стоила три вэня, здесь обошлась в пять.

Гу Чжао и сам не хотел тратить лишние деньги. Ожидание в городе ничего не изменит.

— Хорошо, отец.

Утомленные дорогой, они быстро отошли ко сну. Чжоучжоу расстелил принесенные из дома

постели. Он потрогал гостиничные одеяла — те пахли сыростью.

— Пойду гляну, как там отец.

У Ли Да дела обстоят не лучше, но старик решил перебиться одну ночь.

Наутро отец и сын отправились на поиски нового жилья, оставив Гу Чжао за книгами. Спустя два часа они вернулись — нашли подходящее место. Повозку снова загрузили и ехали почти час, пока не добрались до цели.

Прошлой ночью они остановились в первом попавшемся месте у ворот. Теперь же они оказались всего в одной улице от экзаменационного двора. Пешком было минут десять пути, но и цена была выше.

Пятьдесят вэней за ночь.

— Неужто так дорого? — удивился Гу Чжао.

Служка радушно заулыбался:

— Это вы еще вовремя спохватились. Через пару дней цены еще выше поднимутся. Зато у нас и вода горячая всегда есть, и если кухней захотите воспользоваться — мы всегда поможем. К тому же у нас живут одни только ученые, сможете опытом обменяться...

Их проводили в комнату на втором этаже.

— Смотрите: окно выходит на солнечную сторону. Днем здесь будет тихо.

Юноше комната понравилась: она была просторнее прежней. Чжоучжоу тоже остался доволен — белье было чистым.

Заплатили за шесть дней вперед — сразу триста вэней. Видя, что дети устроились, Ли Да достал пять лянов серебра и мешочек с медяками.

— Вот, возьми, — наказал он сыну. — В чужом краю не жадничай. Главное — чтобы вы были здоровы.

— Я всё понял, отец.

Молодые проводили Ли Да до ворот. Чжоучжоу купил десять горячих паровых булочек и сунул отцу в руки:

— Съешьте по дороге.

Ли Да принял сверток.

— Идите в дом, не шатайтесь по улицам. И приглядывай за Чжоучжоу, — добавил он, глядя на зятя.

— Не беспокойтесь, отец.

Ли Да хлестнул мула. Булочки грели ему грудь сквозь одежду, и от этого тепла на душе у старика становилось спокойнее.

В оставшиеся до экзамена дни Гу Чжао с утра читал, в полдень быстро перекусывал с мужем, а после обеда отправлялся в книжные лавки. Денег на покупку у него не было, так что он просто бродил вдоль полок, украдкой просматривая книги. Разумеется, на него косились приказчики.

Гу Чжао в ответ лишь вежливо улыбался. Хозяин одной из лавок заметил его и нашел юношу довольно любопытным. По одежде было ясно — парень из крестьянской семьи.

— Как ваше имя, молодой человек?

— Моя фамилия Гу, я из деревни Сипин, что в городке Нинсун, — ответил тот.

Хозяин кивнул и больше расспрашивать не стал.

Гу Чжао приходил каждый день ровно на час. Он читал комментарии мастеров, а вернувшись, записывал всё, что успел усвоить. Три дня подряд он терпел косые взгляды приказчика. На четвертый день он подошел к прилавку:

— Будьте добры, мне нужна вот эта рукописная копия.

Приказчик даже подпрыгнул от неожиданности. Оказалось, юноша выбрал самый дешевый список в лавке.

— С вас пятьсот вэней.

Гу Чжао достал серебро. Приказчик демонстративно принялся проверять монеты на подлинность, желая унижить бедняка. Юноша и бровью не повел. Он спокойно ждал, продолжая пролистывать другие книги.

Приказчик быстро отсчитал сдачу. Когда Гу Чжао ушел, он проворчал:

— Другой бы на его месте уже ругаться начал, а этот — кремень.

Хозяин лавки тоже подумал, что из этого господина Гу выйдет толк.

Четырнадцатого числа Учёный Чжу разыскал их гостиницу.

— Я заносил свои рукописи в лавку и услышал, как приказчики обсуждали некоего ученого Гу... Я знал, что ты приедешь, но почему не заглянул ко мне? — спросил он.

— Я ведь приехал просто попробовать силы, — улыбнулся Гу Чжао. — Не хотел отвлекать тебя от занятий.

Учёный Чжу втайне сочувствовал другу, считая, что тот обречен на провал, но ограничился лишь словами ободрения.

— Гостиница стоит дорого. Сющяам результаты не приносят на дом, нужно узнавать самим. Раз вы не остаетесь в городе, можно нанять посыльного.

Гу Чжао поблагодарил его. Вскоре Учёный Чжу откланялся.

В ту ночь они легли рано. Ли Чжоучжоу от волнения не мог уснуть. Муж обнял его и нежно поцеловал. Гэ'эр тут же прикрыл рот ладонью:

— Муж, во время экзаменов... нельзя. Даже если ты будешь канючить — я не поддамся!

— Правда? — Гу Чжао соорудил самую жалобную гримасу. — Даже если Чжао-эр так нервничает, что ему просто необходимо немного твоей ласки?

Рука Чжоучжоу дрогнула. Он явно колебался.

— Да шучу я.

Гу Чжао снова поцеловал его. До чего же его Чжоучжоу был милым! В этом мире только он верил в него так безоговочно.

— Чжао-гэ...

— Виноват, больше не буду, — муж ласково потерся носом о его руку.

Гэ'эр не выдержал и рассмеялся:

— Ну всё, прекрати меня разыгрывать!

— Теперь-то не волнуешься? — Гу Чжао посерьезнел. — Когда я был тем самым Гу Чжао, над которым смеялись, ты не отвернулся от меня. Так неужто ты разлюбишь меня, если я провалюсь? Не верю.

На душе у Ли Чжоучжоу стало спокойнее. Каков бы ни был результат, муж сделал всё, что мог. Он только втайне трижды поплевал через плечо, моля небо, чтобы оно не принимало всерьез пустые речи Гу Чжао.

Два дня экзаменов выдались погожими. Дождя не было, но по ночам дул холодный ветер. К счастью, за время работы на полях юноша окреп. Из соседних кабин то и дело доносилось чиханье — бедолаги совсем закоченели.

Сам же он чувствовал себя бодрым!

Экзамен делился на три части. Толкование канонов и дополнение текстов Гу Чжао щелкал как орешки. А вот с поэзией пришлось попотеть. Нужно было сочинить оду или стих на заданную тему. Прежний владелец тела тоже не отличался изяществом слога.

Конечно, Гу Чжао помнил сотни великих произведений из своего прошлого мира. Здесь об этих гениях никто не слышал. Спиши он пару строк, и слава мгновенно разлетелась бы по стране. Но он даже не думал об этом. Этот путь был скользким.

Он не хотел вешать на себя ярлык гения, которым не являлся. Поэтому он честно «выдавил» из себя вполне заурядное стихотворение.

Последней частью был трактат на тему политики. Тема гласила: «Основы земледелия». Для

юноши это было подарком судьбы! За время жизни в деревне он изучил этот вопрос, а «Рассуждения о пользе государству» знал почти наизусть. Перо летало по бумаге: он искусно соединил теорию с собственной практикой, не забыв при этом похвалить мудрость местного начальства.

Спустя два дня.

Ли Чжоучжоу в толпе встречающих прорвался к воротам. Народу была тьма. Едва ворота распахнулись, стражники вынесли на носилках одного из кандидатов. Раздался плач, кто-то закричал: «Снова кто-то не выдержал, без чувств упал!»

У Чжоучжоу сердце ушло в пятки. Он до смерти боялся за мужа, но, услышав чужое имя, с облегчением выдохнул. Наконец он увидел родное лицо.

— Устал? — Он бросился навстречу и перехватил тяжелый короб. — Пойдем скорее отдыхать.

Гу Чжао сжал его руку:

— Я в порядке, честно. Прости, что заставил тебя так волноваться.

Он видел, какими ледяными были руки Чжоучжоу.

— К чему эти слова, муж? Мы ведь одна семья, — просто ответил тот. Насмотревшись за эти дни на то, как из ворот выносят людей, он понял, какой ценой даются эти знания.

Гу Чжао серьезно кивнул:

— Да, ты прав.

В гостинице муж, наскоро умывшись, мгновенно провалился в сон. Ли Чжоучжоу занялся делами: вернул печку и чайник, забрал залог и нашел надежного посыльного. За эти дни он наслушался историй и знал, как часто обманывают приезжих. Он узнал адрес человека, проверил его бумаги и расспросил соседей. Только убедившись, что всё честно, он отдал плату.

Закончив со всем, Чжоучжоу собрал вещи. На следующий день после полудня приехал Ли Да. После короткого отдыха мула снова загрузили.

Домой!

<http://bllate.org/book/15349/1423588>